

В редакцию журнала Vox поступил вопрос от студентки философского факультета ГАУГН Ольги Зайцевой о значении Логоса в философии Гераклита. Мы обращаемся ко всем заинтересованным в его философском решении с просьбой ответить на него. Этим вопросом и поступившим ответом мы открываем обмен мнениями по проблемам, возникающим в ходе исследования, в любой форме (краткой или развернутой) с одним условием: чтобы вопрос был философски ориентирован.

Вопрос: Почему Логос — это не разум?

Довольно распространенным мнением является понимание Логоса Гераклита как мирового разума, который является тотальной Истиной и которому все подчиняется. Особенность этого подхода заключается в восприятии Логоса как самостоятельного атрибута бытия, превосходящего любые мнения и одновременно включенного в структуру нашего мира. Тем не менее, он оказывается одновременно чужим, противопоставленным миру, полному лжи и заблуждений.

Такое понимание рождает определенную двусмысленность в положении Логоса и его роли в мировом процессе. С одной стороны, он несомненно присущ всему, что существует, а с другой — большинство людей с ним никак не взаимодействуют, Логос для них не существует, является невоспринимаемым, отсутствующим элементом бытия.

Самым простым способом решить эту двусмысленность была бы ссылка на темный, непонятный язык философа. Однако это весьма сомнительное оправдание. Но что если мы изначально пошли неверным путем?

Ключевым, на взгляд автора, является следующий фрагмент сочинения Гераклита: «Но хотя этот логос существует вечно, люди оказываются непонимающими его и прежде, чем вслушаться в него, и вслушавшись однажды. Ибо хотя все /люди/ сталкиваются лицу к лицу с этим логосом, они выглядят незнакомыми с ним, даже когда пытаются понять такие слова и дела, о каких толкую я, расчлняя их согласно природе и ясно выражая, каковы они. Что же касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому, как они пребывают в забытьи о том, что делают во сне» [Лебедев А. В., 2014, с. 146–147].

В этой цитате самым примечательным является сравнение яви и сна. Здесь как будто есть какая-то нелогичность, замечаемая не сразу. Во сне мы имеем представление о том, что с нами происходит, так как речь идет скорее о тех снах, которые мы помним в течение некоторого времени, иначе Гераклиту не было бы основания апеллировать к спящим людям (что невозможно, так как Гераклит основателен не только и не столько по отношению к истории философии, он основателен сам по себе, и в этом весь смысл его философии — не искать оснований и не вопрошать о них, а быть этим основанием, этим логосом). Между тем забытье, о котором говорит Гераклит, не может быть найдено в таких снах, внутри них. Кажущееся затруднение в понимании этой части цитаты можно

преодолеть, если мы сместим фокус с внутреннего состояния спящего человека на его внешнее проявление. Тело, брошенное сознанием (сравните с логосом), совершенно не включено во взаимодействие с наружным миром, и в таком контексте «забыть», кажется, приобретает смысл, причем особый. Непонимание логоса в таком случае будет равно отсутствию человека в системе логоса, то есть вопрос уже не ставится как непонимание вследствие изъяна восприятия, нет. Вопрос понимания логоса является вопросом о способности найтись (впервые встретившись с логосом) и удержаться в системе логоса. Этот логос — уже не разум и не мог быть им, логос — это пространство, особое измерение, метафизическая реальность, по сравнению с которой реальность обычная — лишь сон. Гераклит решительно порывает с обыкновением бытием реального мира, утверждая некоторую, если угодно, метареальность. Его темный язык, странные нравы, о которых нам свидетельствуют древние авторы, еще больше доказывают внереальную направленность его деятельности. Гераклит не просто прыгнул выше головы, он удержался там и нашел основание в вышине, которую другим было невозможно достигнуть.

В таком свете цитаты Гераклита читаются чуть более ясно. Возьмем, к примеру, следующее изречение: «Внемля не моему, но этому логосу, должно согласиться: мудрость в том, чтобы знать все как одно» [Там же, с. 146]. Таким образом, можно трактовать этот фрагмент так: вступив в пространство Логоса, невозможно не согласиться, что оно одно — и есть Истина (срав. «знать все как одно»).

Также можно привести еще одну цитату из той же книги: «Гераклит говорит, что для бодрствующих существует один общий мир, а из спящих каждый отворачивается в свой собственный» [Там же, с. 148]. Если Логос един, то он и есть упоминаемый «общий мир», в котором необходимо находиться, чтобы приобщиться к Истине. Стоит отметить, что имеется в виду не физическое присутствие, а ментальное.

Логос не есть сам разум, Логос — это пространство разума, территория, на которой разум сливается с Истиной. Быть разумным и значит удерживать сознание бодрствующим, включенным в Логос.

Литература

1. Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. — СПб.: НАУКА, 2014. — С. 146–148.

References

1. Lebedev A. *Logos Heracliti. Reconstructiya misli i slova* [Heraclitus' Logos. Thought and word reconstruction]. St. Petersburg: NAUKA, 2014. Pp. 146–148. (In Russian.)

Ольга Зайцева, студентка IV курса

Ответ

Уважаемая Ольга!

Ваша реплика о Гераклите показалась мне чрезвычайно уместной и содержательной. Вопрос о том, как понимать слово «логос», выходит, для начала, за пределы самого Гераклитова учения. Это вопрос к самому языку (в данном случае древнегреческому), и одной из интереснейших попыток ответа на него является то направление филологии, которое занимается корневыми семантическими единствами, или, попросту говоря, многозначностью терминов. Слово «логос», как считается, означало сразу много вещей, среди них и «разум», и «речь», и «учение», и «мудрость», и «истина». С этой точки зрения, сомневаться в том, что логос означает «разум», оправданно — он не есть только и исключительно разум, это слишком узкая формулировка. Так же и историко-философски, логос (в обще-античном или конкретно Гераклитовом понимании) не обязательно совпадает с тем представлением о «разумности», с которым мы привыкли иметь дело в нашей условной современной парадигме (что бы мы за нее ни принимали); и не факт, что он тождественен «разуму» из какой-либо иной позднейшей философской концепции, с которой мы знакомы и которую можем к нему приложить. Такой подход, в общем, принимает Вашу реплику и остается в ее рамках, притом обуздывая ее радикальный критический потенциал.

Но давайте высвободим как раз этот потенциал, тем более что и Вы движетесь явно в этом направлении. Действительно, с чисто философской (а не историко-философской или филологической) точки зрения, складывается впечатление, что Гераклит не просто предлагает некую концепцию разумности или мудрости, а буквально проповедует, прибегая с этой целью к весьма характерному языку (дискурсу, нарративу) метафизики — ту самую «метареальность», о которой Вы пишете. Ее отличительные черты хорошо известны — она никогда не похожа ни на что известное (апофатика), изъясняться о ней можно исключительно приблизительно, с помощью метафор или аналогий, причастны ей лишь избранные, но при этом она находится в основании всего, что есть, и т. п. Если мы проведем эксперимент и вместо слово «логос» подставим какой-нибудь апейрон, не получим ли мы примерно то же самое? Да, это кажется очень вероятным и убедительным. Недаром Гераклит пользовался уважением даже у христианских теологов, которые воспринимали некоторые из его «темных» речений как максимально доступные для языческого ума откровения единого абсолютного божества (т. н. естественная теология). Христиане, образно выражаясь, подставили на место слово «логос» слово «Бог», и даже более того — они буквально отождествили с Логосом второе лицо Святой Троицы: помним, «вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Против всего этого есть банальное возражение: Гераклит употребляет слово «логос» не только в этом возвышенном нарративном ключе, но и порой чисто указательно. Например, он упоминает некоего философа, одного из немногих, удостоившихся его уважения — поскольку, согласно его «логосу» (т. е. учению, или слову), большинство людей глупы. В данном случае слово «логос» означает не некую великую запредельную реальность, а буквально «то, что/как говорил такой-то и такой-то».

И либо Гераклит всегда имеет в виду одно и то же — и тогда он употребляет слово «логос» повсеместно в одном и том же смысле, соответственно, и громовое «не мне, но логосу этому внемля...» тоже подразумевает в первую очередь слово/речение/учение, а не просто некую метафизическую субстанцию или бытие. Либо Гераклит пользуется, как нормальный человек, разными значениями слова «логос», применительно к ситуации. Тогда правы сторонники теории древнего семантического единства, задача же переводчика/истолкователя текста Гераклита — не подравнивать употребляемые им термины под одну гребенку, а в каждом конкретном случае искать соответствующее подзначение.

Вы мне возразите: все это пока далеко от «разума», пока мы в лучшем случае отступили на шаг от абстрактной метареальности и вращаемся в кругу таких потенциальных значений логоса, как «слово», «речение», «учение». Согласен. Хотя все эти значения уже по сути своей рациональны и подразумевают рациональность как свою основу, это еще не сама рациональность. Но зайдем с другой стороны. Мы слишком заиклены на существительных, на субстанциальности. Таково слово «разум». Не мне, но разуму этому внемля, признаем... Да, грубовато звучит даже на уровне просто высказывания. Действительно, сразу рисуется какой-то инопланетный сверхмозг, от лица которого выступает наш «пророк». Но выкинем-ка для начала сбивающее с толку «этому». Получится что? Правильно, обыкновенное бытовое просторечие: не мне, но разуму самому внемля... Мол, ладно, меня ты можешь не слушать, я тебе чужой дядя — но ты послушай, что тебе твой собственный разум скажет! А скажет он то же, что и я — потому что разум, разумность (это слово лучше голого отчужденного «разума») во всех одна и та же. И вот тогда — если мы переведем «логос тонде» не как «этому разуму», но как «самому разуму», — тогда происходит невероятное: как по взмаху волшебной палочки, Гераклит расколдовывается и перестает быть загадочным провозгласителем очередной метареальности. Он превращается ровно в того философа, каким его знали — опознали в нем — Аристотель и Гегель. Гегель заявил, что принял бы все известные ему положения Гераклита в свою науку логики — а значит, признал, что Гераклит занимался логосом в смысле логики, т. е. учения о том, как должно подступаться ко всеобщей разумности. Ну, а Аристотель утверждал, что философия невозможна без жизненного опыта — и это бытовое снижение, едва ли не сведение к обыденности, совлечение философского поиска с абстрактных небес (в противовес Пармениду, с его восхищением юноши до надмирных высот, к вратам самой Истины), очень родственно как философский жест Гераклиту. Гераклит не ищет разум в запределье и не выдает запредельное за разум. Разум ближе к нам, чем что-либо внешнее, он в нас самих, всегда — а мы этого даже не замечаем. И здесь все полно богов, говорит Гераклит заезжим молельникам, идущим в большой площадной храм, обводя рукой свою замызанную кухню. Никакой метареальности, да? Но выглядит как она, потому что как-то так странно устроен человек, что проще всего для него потерять из виду ближайшее к нему, и труднее всего — куда труднее, чем добраться мыслью до запределья — вернуться к себе, вернуть самообладание, вступить во владение тем, что у него есть и что есть он сам. Парадокс. Разумность во всех нас, а обучиться ей трудно, и не только когда ты вообще еще слыхом о ней не слыхивал, но даже и когда уже услышал, и вроде примерно понял. Мол, слово-то

у нас для нее уже есть — логос, — т. о., все мы в положении этих самых «раз услышавших». Вот о чем Гераклит.

Если все же продолжать искать союзников для критики Гераклита как метафизика, то на ум приходит, конечно, Платон. Именно Платон уравнивает Гераклита со всеми прочими досократиками и объявляет их всех «мифологами», авторами безответственных учений о той или иной метареальности.

Теперь немного о второй Вашей реплике, касающейся темы сна и забытья. Гераклит, уподобляя жизнь сну, имеет в виду прежде всего то, что сон — это забвение самого сна. Во сне мы чаще всего уверены, что НЕ спим. Мы там всюду чем-то заняты, там что-то происходит, и нам-то кажется, что все это очень даже наяву. А потом мы просыпаемся, и понимаем, что все это был сон. Также и в жизни мы уверены, что все происходящее с нами творится на самом деле. Но и во сне мы в этом уверены; и сон полон образов реальности. Так что, опять же, по *логике*, т. е. по разуму, жизнь *может* оказаться сном — как у Декарта весь мир *может* оказаться иллюзией, и это понимание есть проявление свободы *ego cogito*, «мыслящей субстанции». Разум присутствует имплицитно во всех этих заключениях. Он позволяет нам осознавать наше положение, намечает возможности — до поры неясно как дальше разворачиваемые — эмансипации, растождествления с имманентностью, открепления от нее. Спиноза говорит: «Свобода есть осознанная необходимость», и мы часто слышим в этой фразе чуть ли не капитулянтство. Мол, максимум свободы, который мы можем себе позволить, — это осознавать повелевающую нам необходимость и, так сказать, «идти за колесницей, а не волочиться за ней». Но все ровно наоборот. Необходимость, которая осознана — опознана в качестве таковой, — больше не необходимость, ведь ее монолит треснул; рядом с ней уже пробудилась субъективность, и сразу встала к ней в отношение, пусть пока и пустое, виртуальное. Если необходимость есть все, ее части/составляющие/подчиненные не мыслят — ни ее, ни что-либо еще: ей это просто не нужно. Если же появилась мысль, она выводит за пределы необходимости.

Во сне мы пленники сна, даже не осознающие, что это сон, и можно проснуться. Но осознать, что сон — это сон, значит начать пробуждаться, начать отличать себя от него. И это путь к себе, к разуму, к началам индивидуальности. Если замкнуть второе наше рассуждение с первым, то получится, что сон, спящие — это те, кто ни разу не слышал про логос как он есть; а жизнь, подобная сну, но уже с ключом к выходу из него, — это ситуация, когда мы даже знаем уже про логос, «слышали раз» о нем, но продолжаем жить по большей части так же, как прежде, как если бы ничего не усвоили и хотим и дальше «спать».

Николай Мурзин, кандидат философских наук, Институт философии РАН